

0 72 1 6 7 4 - 1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ШАНСКАЯ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

**ВОСПРИЯТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РУССКИМ ДВОРЯНСТВОМ
(ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)**

07.00.02. - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

КАЗАНЬ - 2001

**Диссертация выполнена на кафедре отечественной истории
до XX века Казанского государственного университета**

Научный руководитель - заслуженный деятель науки РФ и
РТ, доктор исторических наук,
профессор
Г.Н.Вульфсон

Официальные оппоненты - доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института Российской Истории
РАН

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

0000977321

Е.Л.Рудницкая (Москва)

- доктор исторических наук,
профессор

И.И.Шарифжанов (Казань)

Ведущее учреждение - Институт Всеобщей истории РАН

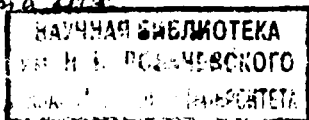
**Защита состоится "19" апреля 2001 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д.212.081.01 в Казанском государственном
университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18,
корп. 2, ауд. 1112.**

**С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета**

Автореферат разослан *14 марта 2001*

Ученый секретарь

диссертационного совета

Р.Г.Кашафутдинов
Р.Г.Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Постановка темы и ее актуальность.

Французская культура для России – больше чем инокультура. Исторически сложилось так, что Франция стала моделью для нашей страны, неким шаблоном, с которым соизмерялись события и явления отечественной истории. Память об этом сохранилась в массовом сознании соотечественников и проявляется в виде особого отношения к французскому языку, наличию идеального образа француженки, наконец, в стремлении увидеть Париж “своими глазами”.

Все это – следствия протяженного во времени и глубокого восприятия французской культуры в России второй половины XVIII - первой четверти XIX веков. В данном диссертационном исследовании анализируются в основном источники, относящиеся к первой четверти XIX века. *Хронологические границы* данного исследования не являются определением завершенного исторического процесса. Процесс влияния одной культуры на другую не имеет годично установленного начала и конца. Диалог культур имеет длительный характер и часто не осознается современниками. Выбор периода изучения объясняется тем, что первая четверть XIX в. по общему признанию историков - кульминация в воздействии французской культуры на жизнь русского образованного общества. Вместе с тем, отношения двух стран в этот период претерпели испытания войнами (1805, 1806, 1812-1814). Это создало особые психологические и культурные условия, в которых возникла потребность в этнической самоидентичности русского дворянства, появились признаки эмоционального и теоретического самоопределения по отношению к французской культуре.

Безусловно, основным участником культурного диалога со стороны России было русское дворянство. И поскольку именно им почти

исключительно ограничивалось образованное общество, его культурный слой, то речь идет о французском воздействии на русскую элитарную культуру, культуру образованных людей России.

Восприятие – сложный процесс. В нем задействованы рефлексорные механизмы человеческой психики и социокультурный опыт индивида. Восприятие опосредованно сложившимся ранее отношением, и само формирует отношение, а следовательно поведение, поступки, действия личности.

Процесс культурного взаимодействия – тема глубинная, вечная, волнующая человечество со времен возникновения цивилизаций. Социальный интерес к этой теме стимулирует научные изыскания. В целом, изучение механизмов восприятия этнической культуры способствует пониманию “себя” и “другого”, поддержанию культурного диалога.

Степень изученности темы определяется составом источникового материала и литературой, посвященной исследуемой теме. Их анализ позволяет сделать вывод, что проблема восприятия французской культуры русским дворянством в первой четверти XIX века не являлась предметом специального изучения. Тем не менее, на уровне и массового, и теоретического сознания сформировалось представление о характере русско-французского диалога как о “слепом” подражании русского дворянства французскому образу жизни. Этот миф, возникший в определенных культурно-политических условиях первой четверти XIX века, оказался устойчив во времени и сохранился по сей день. В первой главе диссертации рассматривается его сущность, источниковая основа и история бытования в науке.

Исследовательская проблематика:

Раскрытие темы возможно при наличии репрезентативного комплекса источников, требует изучения исследовательской литературы по трем ключевым проблемам: 1) история русского дворянства; 2) история французской культуры; 3) история русско-французских связей. Поиск необходимых источников и литературы, разработка адекватных методик для их изучения, наконец, анализ отобранных текстов составили первый этап исследования.

Воспринимая элементы “чужой” культуры, русский дворянин на протяжении жизни выступал по отношению к ней в различных ипостасях: в детстве, на образцах французской культуры происходило формирование его личности, затем он использовал полученные знания в бытовой и служебной практике, передавал их детям и т.п.

Вместе с тем, формирование отношения русского дворянства к французской культуре происходило не только под воздействием личных мотивов, но на этот процесс влияли социально-политические факторы. Среди них - внешняя политика России и в частности правительственная идеология в отношении Франции.

Каковым было восприятие французской культуры русским дворянином в семье и на службе, каким образом на него влияла внешне и внутривнутриполитическая ситуация в России, как изменялось в результате синтеза двух культур качество жизни русского дворянина - вот круг вопросов, на которые следовало дать ответ.

Цель исследования - выявить механизм восприятия французской культуры российским дворянством в первой четверти XIX века, определить факторы, воздействующие на этот процесс.

Достичь данной цели позволило решение следующих задач:

1. Выявить и проанализировать комплекс источников и литературы, содержащий свидетельства рецепции французской культуры в

России первой четверти XIX века; 2. Определить погруженность семьи русского дворянина во французскую культуру; 3. Проследить рецепцию французской культуры дворянином-чиновником и дворянином-офицером.

Научная значимость:

Данная тема является частью большой, актуальной проблемы - русско-французских культурных связей. Предполагается, что исследование внесет вклад в изучение истории русского дворянства. В нем рассматривается история дворянского сословия и процессы его культурной жизни; распространение в нем явлений галломании и галлофобии. Разработка поставленных проблем углубит понимание процессов политической и культурной истории России первой четверти XIX в.

Практическая значимость:

Материалы данной диссертации можно использовать при чтении курса лекций по истории России, по истории педагогики, по истории культуры. Изучение темы показывает истоки русско-французских отношений в области культуры, науки, искусства, в хозяйственно-экономической сфере. Понимание этих процессов само по себе способствует снижению напряженности в международных отношениях.

Структура диссертации. Данное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дана постановка темы, обоснована ее актуальность, определена степень изученности, сформулированы основная исследовательская проблематика, цель и задачи, отмечена научная новизна и практическая значимость работы.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ. ЛИТЕРАТУРА.

Источники. В результате поисковой работы в архивохранилищах и книгохранилищах Москвы, Петербурга, Казани, Гренобля и Парижа был сформирован комплекс источников, основу которого составили следующие виды документов:

Источники личного происхождения, или персональные тексты, или эго-документы. Под ними подразумеваются мемуары, автобиографии, дневники, письма русских дворян и другие персональные тексты (например, записки), в которых зафиксировались авторские эмоции, наблюдения, размышления над элементами французской культуры, над отношением к ней. Это самая многочисленная группа документов. Значительный массив такого рода источников, привлеченных к исследованию, я обнаружила в личных фондах ГА РФ (фонды “Елизавета Алексеевна Романова”, “Великий князь Михаил Павлович”, “В.Н.Головина”, “А.М.Горчаков” и др.), Российского Государственного архива литературы и искусства - РГАЛИ (Москва) (фонды “Е.П.Ростопчина”, “Мусины-Пушкины” и др.), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Петербург) (фонды “В.П.Кочубей”, “Н.Н.Новосильцов”, “В.Ф.Одоевский” и др.), Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (Казань).

Многие привлеченные к исследованию источники созданы на французском языке. Часть их написаны неразборчивым почерком, стилем начала XIX в., имеют устаревшие речевые обороты. Важно было определить методику перевода данных документов. Она базируется на стремлении создать текст как можно более точный, адекватный к смыслу первоисточника. Там, где присутствуют метафоры или игра слов это оговаривается отдельно в примечаниях или в скобках.

Спецификой проводимого исследования является то, что исследователь имеет дело преимущественно с феноменом “субъективность”. Предметом изучения в диссертации является рецепция, процесс адаптации явлений культуры, факторы “отчуждения” и “признания”. Само по себе выделение субъективных высказываний возможно лишь после реконструкции официальной линии, то есть заданных, “матричных” для данного времени высказываний. Эта реконструкция обеспечена неплохой сохранностью и репрезентативностью документов официального происхождения. Идеологические утверждения содержатся преимущественно в следующих видах источников: в законодательных и нормативных актах (манифестах, указах, циркулях, реляциях, обращениях, законопроектах), в делопроизводственной документации (распоряжениях, инструкциях, справках, запросах, аналитических материалах различных ведомств), в официальной переписке императора и сановников, в правительственных периодических изданиях. Значительный массив такого рода документов отложился в Российском государственном историческом архиве (Петербург), где собраны ведомственные материалы Российской империи (фонды “Высочайшие повеления по придворному ведомству”, “Кабинет Е.И.Величества”, “Дирекция Императорских театров”, “Департамент народного просвещения”, “Канцелярия министерства народного просвещения” и др.), Государственном архиве Российской Федерации (Москва) (фонды “Секретный архив. III Отделение Е.И.В.Канцелярии”, “Особенная Канцелярия МВД”, “Романов. Император Александр Г”), в Национальном архиве Республики Татарстан (фонды “Канцелярия казанского губернатора”, “Казанский Учебный Округ”, “Казанский Государственный Университет”). Кроме того, часть используемых в работе документов официального характера была обнаружена в личных архивах государственных деятелей России.

Богатый материал для восстановления правительственной позиции в межкультурном диалоге России и Франции содержится в “Полном собрании законов Российской империи” (1830).

Эти декларативные документы содержат “общее мнение”, по крайней мере, чиновной России. Их анализ дает убедительные свидетельства эволюции, перемен в правительственных установках. Однако законодательные источники, делопроизводственная документация почти не позволяют судить о причинах, логике этих изменений, найти ключ к пониманию смысла, перепадов официальных настроений.

В решении этой задачи большую помощь оказывают **материалы неправительственной печати**. В диссертации исследовались публикации журналов “Вестник Европы”, “Благонамеренный”, “Дамский журнал” и губернской газеты “Казанские Известия”. Полагаю, что по ним можно судить об общественных настроениях в России.

Кроме того, мнение дворянского общества по поводу “правильности” правительственной политики можно восстановить на основе такого специфического источника как **“записки на имя императора”**. Практика общественного давления на официальный курс в исследуемое время выражалась в создании текстов соответствующей семантики и преподнесении их на имя монарха. Их авторы иногда скрывали свое имя, но довольно часто называли себя. Таковы записки Жозефа де Местра, В.Н.Каразина, А.С.Шишкова, Ф.В.Ростопчина и др. Стиль такого рода документов весьма показателен.

Особым видом исторического источника по данной теме является **художественная литература**. В зависимости от исследовательских задач художественные тексты образуют три группы источников: 1) франкоязычные тексты, на основе которых формировались жизненные ценности и социальное поведение русского дворянства (романы Жанлис,

Боссюэта, Руссо и др.); 2) те произведения художественной литературы, создаваемые представителями российского дворянства в первой четверти XIX века, в которых отразилась реакция на французскую культуру (А.С.Грибоедов, А.С.Пушкин, В.А.Соллогуб, Д.Н.Бегичев); 3) художественные произведения более позднего времени, в которых предпринята попытка реконструкции культурно-психологической ситуации в русском дворянском обществе начала XIX века (Л.Н.Толстой).

В мировом источниковедении разработаны методы анализа выделенных источников. В данном исследовании применялась комбинация методов параллельного анализа текстов, генетической критики, семиотического анализа, теории перевода и др. Кроме того, поскольку речь идет о социальной психологии в истории, о реакции исторического человека, то полагаю возможным применение метода социального психоанализа к высказываниям источника.

Описанные виды источников позволяют раскрыть поставленные исследовательские задачи. Введение в научный оборот “новых”, то есть извлеченных из архивов и переведенных на русский язык документов, расширяет источниковую основу темы.

Обзор литературы.

Российские современники оставили сколь многочисленные столь и противоречивые высказывания о Франции, французской политике, культуре, французской истории и нации. И это позволяет при определенной интенции создать любой вариант трактовки темы. Определяющими оказываются не документы, а намерения исследователя. В свою очередь намерения диктовались, как читательскими, так и издательскими (в том числе правительственными) ожиданиями. И если ожидания российских властей в правление Николая I были одни, то у французских читателей они были другие.

В интеллектуальном отношении пережившая революцию и войны Франция перестала быть идейным лидером Европы, и российская общественность сменила кумира на немецких философов. Конфликт на Ближнем Востоке породил идеологическую кампанию против России внутри Франции. Частью ее было создание образа россиянина-варвара, мифа о культурной отсталости России и слепом восхищении русских Францией.

В данном разделе диссертации исследуется процесс складывания подобного представления в сознании современников. Очевидно, материальной основой для рождения такого мифа во Франции послужили опубликованные мемуары и дневники вернувшихся из России на родину эмигрантов и военнопленных наполеоновской армии. Тема восторженного, некритичного восприятия русскими французской культуры звучала также в литературных и изобразительных произведениях русских авторов. Миф укреплялся и подпитывался, в готовом виде перешел на страницы научных исследований.

Читательский запрос на историю русско-французских мирных отношений возник в обеих странах в конце XIX века. Ответом на него были две фундаментальные публикации. В 1881 году во Франции вышла первая книга из трехтомного исследования А.Леруа-Больё "Царская империя и русские"¹. В 1886 г. в Париже появилось издание французского историка Леонса Пэнго "Французы в России и русские во Франции"². Культурный диалог России и Франции исследователи рассматривали в категориях ученичества: более отсталое общество учится у передового. Оба исследования при жизни авторов были возведены в ранг классических по данной теме.

---

¹ Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les Russes.- Paris 1881

² Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France.- Paris, 1886.

Их направление развил французский историк Эмиль Оман в книге «Французская культура в России»³. Исследователь считал культурную зависимость русской элиты от Франции неоспоримым фактом, причем фактом типичным для большинства восточно-европейских стран того времени. Среди причин тому автор назвал политическое лидерство Франции в Европе и приоритет французской литературы в культурной жизни европейских стран.

В России труд Омана вызвал большой научный резонанс. Отзывы на него опубликовали все крупнейшие исторические журналы. Русские историки одобрительно отнеслись к концепции французского исследователя, его трактовке темы. С выходом сочинения Омана и рецензий на него в российской научной прессе читательский интерес к теме, кажется, был исчерпан. Читатели получили то, что хотели. Это не значит, что исследователь и рецензенты его труда сознательно подгоняли концепцию темы под социальный заказ. Но они явно обосновали сложившееся во Франции обыденное историческое представление о ней.

Долгое время данная концепция, предложенная Омано и его предшественниками, уровень осмысления темы вполне устраивали современников. Тем более, что политическая ситуация в советской России гораздо больше интересовала французов в XX столетии нежели темы историко-культурные.

Тем временем российское историческое сознание подверглось коренной ломке. Советская историография данной темы развивалась под прессингом официальной идеологии. В.И. Ленин использовал гротескные образы русской художественной литературы, например грибоедовский шарж «смесь французского с нижегородским», для обличения политического противника - русского дворянства .

---

³ Haumant E. La culture française en Russie (1700-1900).- Paris, 1910.

Эстафета классовой борьбы, подхваченная И.В.Сталиным, коснулась и проблемы французского влияния на русскую дворянскую культуру. В классическом для советского времени трактате “Марксизм и вопросы языкознания” (1950), Иосиф Виссарионович говорил о французском языке дворянства как о “классовом жаргоне”⁴. Именно в этом смысле отныне исследователи должны были рассматривать суть полемики вокруг французского языка в русском обществе начала XIX века. В крайних проявлениях эта концепция привела исследователей к тому, что французский язык и другие проявления французской культуры в России стали расцениваться как средство разрушения национальной, а, следовательно, народной культуры.

Культура российского общества, его менталитет вновь стали объектом пристального внимания во Франции после утверждения методологии школы Анналов. В 1950-60-е гг. произошло изменение проблематики научных исследований французских историков в целом, и русистов в частности. Акцент сместился в область антропологии, социальной психологии. Чрезвычайную актуальность обрела тема “образы своего и чужого”. Классическим образцом этого направления стало исследование А.-Б.Лортолари “Русский мираж во Франции в XVIII веке”⁵. Автор прослеживает изменчивость образа России в сознании французов XVIII в., их восприятие политических событий, происходящих в ней, их воспоминания о пребывании среди русских. При всех достоинствах труд Лортолари - это констатация образа, а не анализ культурных процессов, следствием которых этот образ является.

Еще спустя несколько лет французская наука совершила переворот в философии истории, в понимании смысла источника, изменилось само

---

⁴ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. - М. Госполитиздат, 1950. - С.36.

⁵ Lortholary Albert-Bertrand Les Philosophes francais et la Russie. Le mirage russe en France au XVIII-e siecle, Paris, 1951.

положение историка по отношению к предмету своих исследований. Представители различных областей гуманитарного знания обратились к исследованию механизмов формирования исторической памяти. Теперь темы межкультурных диалогов стали полигоном апробации методик генетической критики, рецептивной эстетики, психологической герменевтики.

Применительно к изучаемой теме это проявилось в публикации антологии французских путешественников в России. В 1990 г. Клод де Грэв издал подборку тематических отрывков из воспоминаний французов, побывавших в России в XVII и XVIII вв.⁶ А спустя 4 года после выхода антологии де Грэв, в журнале “La Revue russe” была опубликована статья Мишеля Никё “Франция и французы глазами русских путешественников (XVIII-XIX вв.)”⁷.

Публикации Лортолари и Никё выявили большую, чем признавалось ранее, зависимость научного исторического сознания от массовых представлений. Разработки французских эпистемологов и представителей “интеллектуальной истории” теоретически обосновали происхождение этого феномена. Теперь можно было бы ожидать появления исследований, учитывающих данную зависимость. Однако защищенная в Париже в 1996 году диссертация Андре Рачинского “Идеологические и культурные контакты между Францией и Россией (1800-1820)” не оправдала этой надежды⁸. Культурные аспекты межнационального диалога носят в

---

⁶ Greve C. de Le Voyage en Russie: Anthologie des voyageurs français aux XVIII-e et XIX-e siècles.- Paris, 1990.

⁷ Niqueux M. La France et les Français vus par les voyageurs russes (XVIII-XIX siècles) // La Revue russe.- 1994, N 6.- P.59-69.

⁸ Ratchinski Andre Les contacts ideologiques et culturels entre la France et la Russie (1800-1820) // These Doctorat nouveau regime, universite Sorbonne nouvelle, Paris III, 1996. Paris, 1996. - 470p.

изложении автора второстепенный по отношению к политике характер, выглядят производными от неё.

В России же в последние два десятилетия XX века представление современников о данной теме углублялось благодаря публикациям новых источников, активной разработке сопряженных с нею проблем и аспектов. Большая заслуга в расширении исследовательского поля, в консолидации усилий отечественных исследователей-франковедов принадлежит П.П.Черкасову - создателю ежегодника "Россия и Франция: XVIII-XX века"⁹. Благодаря его организаторской деятельности и публикациям, история русско-французских, культурных связей, отношений, взаимовосприятий получает более глубокие интерпретации.

Тем не менее, отсутствие комплексного исследования данной темы, слабое проникновение результатов научного поиска в массовое историческое сознание – причины сохранения старых стереотипов. Состояние массового сознания отражают современные средства массовой информации, обращенные к среднестатистическому читателю или зрителю. Показательной является статья русского писателя Виктора Ерофеева, опубликованная во французском журнале "Courtier international"¹⁰. Ссылаясь на воспоминания о России французского дипломата маркиза Де Кюстина и испытывая огромную любовь к современной Франции, автор интерпретирует историю русско-французских отношений в категориях "любовного романа".

Подобные утверждения вызывают возражения не только у специалистов, но и у любого здравомыслящего человека. Неслучайно в

---

⁹ Черкасов П.П. Россия и Франция в XVIII веке: Итоги и перспективы исследования// Новая и новейшая история. - 1993, N3. - С.58-74; Он же Тайная дипломатия Людовика XV в Россия (1749-1756)// Там же. - 1994, N 4/5. - С.254-283; Он же Двуглавый орел и Королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700-1775. - М: Наука, 1995. - 438 и др.

¹⁰ Courrier international. - N 453. - 1999, 8-14 juillet. - P.10.

том же журнале редакция поместила отклик на статью Ерофеева писателя Михаила Германа. “Мы не любили Францию хором”, - справедливо заметил он. И это можно предположить и не вдаваясь в изучение источников. Однако выступление Ерофеева отражает тенденцию в современном сознании. Недовольство состоянием современной отечественной культуры приводит к поиску положительных образцов в прошлом.

Вера в миф не создаст реальности, но может породить очередную утопию российской истории, повести по пути самообмана. Потому подлинный смысловой анализ неизбежно связан с демистификацией природы человека, в высказываниях важно услышать голоса живых людей. Существование мифов о русско-французском, культурном диалоге лишний раз свидетельствует об актуальности темы данного исследования. Представляется важным не только изучить противоречивый процесс восприятия французской культуры в России, но и показать истоки, питающие миф, его бытование в научном и общественном сознании.

Диалог культур, участниками которого были современники Александра I, зафиксированный в источниках не прервался с окончанием александровского правления, его подхватили писатели и ученые. Диалог оказался растянутым во времени не только в реальной жизни, но и в текстах политического, научного, художественного содержания. Каждый пишущий вольно или невольно включался в него, занимая позицию то сурового обличителя, то защитника. Кого в этом споре не хватало, так это исследователя-аналитика. Постараюсь восполнить этот пробел.

ГЛАВА II. ФРАНЦУЗСКИЙ ЛОСК В СЕМЬЕ РУССКОГО ДВОРЯНИНА.

В данной главе рассматриваются три вопроса: 1) культурная среда обитания русского дворянина; 2) французская литература в его частной жизни; и 3) французское воспитание дворянских детей.

Семья - это особый микромир, со своими традициями, жизненными установками. То, что она аккумулирует, становится частью общественного менталитета и характеризует культурный уровень всего общества. Жизнь русского дворянина в семье проходила в рамках шкалы определенных культурных координат: времени, места и действия. Соответственно важной категорией является среда обитания дворянской семьи. В зависимости от социального статуса, материального достатка, семейных традиций это могли быть помещичья усадьба, особняк в провинциальном или столичном городе, дворец в Петербурге. Часть дворянских фамилий могли позволить себе (по желанию или в силу обстоятельств) менять место своего пребывания. И тем не менее в среде их обитания (независимо от географического расположения) есть типические, культурные характеристики, сформировавшиеся в том числе и как результат восприятия французской бытовой и мировоззренческой культуры.

Проведенное исследование показало, что восприятие французской культуры русским дворянством в бытовой жизни, в семейных условиях не было стереотипным, однозначным. При наличии общих тенденций, в этом процессе можно выявить множество особенностей, порожденных геополитическими различиями (средой обитания) дворян, степенью их вовлеченности в межкультурный диалог, условиями воспитания.

Культурная среда Петербурга характеризовалась высокой степенью зависимости от официальной идеологии. В своих проявлениях по отношению к французам, французской культуре, Франции вообще петербургский свет демонстрировал подчеркнутое следование желаниям двора, императора, политическим интересам империи.

Иначе происходило восприятие французской культуры и изменения в этом процессе в среде московского дворянства. Получая европейское образование, привлекая к воспитанию детей французских гувернеров, тем не менее, в своем быте, в семейных отношениях, мировоззрениях москвичи в большей степени, чем петербуржцы сохранили русские патриархальные традиции. Война с наполеоновской Францией, оккупация и разорение Москвы и подмосковных имений способствовали негативному отношению москвичей к французской культуре. В силу определенной удаленности от императорского двора и политической оппозиционности москвичам были свойственны более откровенные проявления неприятия Франции.

Из-за большей интенсивности культурных обменов в столицах восприятие и усвоение французской культуры в семьях было несравненно глубже, чем в провинции. Для последней характерны слабость или поверхностность усвоения и вульгаризация элементов французской культуры. Отдаленная от двора и политики, почти не имеющая возможности общения с французскими эмигрантами, периферия получала информацию из “вторых рук”: через прессу или письма от столичных родственников. В смысле внешних проявлений культуры (мода, манеры, этикет) французские “новшества” являлись зачастую не более чем подражанием, которое порой доходило до карикатурных форм. Однако такое поверхностное восприятие не было присуще всему провинциальному дворянству. Исследование показало, что, например, казанская “элита” незначительно отличалась от столичных дворян.

В ходе исследования выявлялись те изменения в бытовой и интеллектуальной жизни русского дворянства, которые произошли (или не произошли) под воздействием франкоязычной литературы. Было определено, каким литературным героям подражали русские дворяне,

какие ситуации воспроизводили в своей жизни и к чему остались равнодушны, невосприимчивы. Данный процесс сопровождался, в том числе, искажением авторского смысла. Но это тоже “прочтение”, оно тоже воздействовало на интеллектуальную жизнь.

Анализ каталогов частных библиотек русских дворян показал - преобладающей по численности в них была франкоязычная литература. Вместе с тем, изучение источников личного происхождения позволяет утверждать, что, то значение, которое традиционно приписывается французским просветителям в России несколько преувеличено. Наличие в библиотеках и чтение трудов известнейших французских авторов подтвердилось (собственно, это и не подвергалось сомнению). Но выяснилось также, что большее значение в повседневном чтении, а также большее влияние на быт, жизнь русских читателей оказывали не высокохудожественные, а подчас посредственные произведения французских второклассных писателей. Идеи и теории французских просветителей доходили до провинциальных дворян в вульгаризированном виде, снабжая их набором готовых формул.

Бесспорно, процесс восприятия французской литературы, а через нее французской культуры был неоднозначным настолько, насколько разнообразной была по содержанию эта литература и разнородным, в культурном отношении, было русское дворянство. Восприятие - процесс индивидуальный. В рамках одной семьи представители разных поколений имели свои культурные пристрастия. Отличались также читательские интересы мужчин и женщин. Круг чтения и реакция на прочитанное представителей высшей аристократии отличались от вкусов и восприятия провинциальных помещиков. Каждый из этих читателей по-своему воспринимал прочитанное, выделяя в нем то, что было близко именно ему и, оставлял без внимания то, что для него в данный момент не было важно.

Влияние французских идей в архитектуре, парковом строительстве, интерьере, моде создавали среду обитания дворянской семьи, которая характеризовалась определенными культурными установками. Чтение книг, общение с французами-эмигрантами, поездки за границу, посещение французских театров и постановка домашних спектаклей активизировали ее. Ребенок, с рождения включенный в этот “взрослый” мир, подсознательно впитывал все эти проявления иностранной культуры, воспринимая ее как часть родной естественной жизни. Очень многое в ней определяли и формировали его домашние учителя.

Французское воспитание русских дворян – тема острая и болезненная для современников Александра I. Она оказалась тем контрапунктом, на котором скрестились политические амбиции, националистические идеи, официальная идеология. Суть в том, что вопреки декларируемому негативному отношению к инокультуре, русские ксенофобы доверяли дело воспитания собственных детей в руки французских гувернеров или содержателей пансионов. Об этом говорят частные письма, свидетельствуют современники. Гуманистическая философия Просвещения сделала образование детей священным долгом родителей. И это стало нормой для России исследуемого времени. Будущее ребенка зависело не столько от политических пристрастий родителей, сколько от ценностных ориентаций дворянского общества. Последнее предъявляло своим членам жесткие требования социального поведения, стиль которого определялся французской культурой. В этом смысле родители жертвовали собственными убеждениями в пользу “общественных предрассудков”.

Французский гувернер – персонаж, присутствующий почти во всех воспоминаниях, письмах, дневниках, в художественной литературе. За исключением редких случаев, эта фигура обезличенная, но знаковая. Даже

будучи человеком посредственным гувернер выступал медиатором в приобщении русского дворянства к французской культуре повседневности.

ГЛАВА III. ФРАНЦУЗСКАЯ МОДА В СРЕДЕ ОФИЦЕРОВ И ЧИНОВНИКОВ.

В данной главе освещаются три вопроса: 1) подготовка дворян к службе; 2) рецепция французской культуры офицером; 3) французская тема в коридорах российской власти.

В данном исследовании понятие “мода” используется в значении доминирования в условиях хронотопа “дворянская служба в России первой четверти XIX в.” вполне определенных установок дворян в отношении выбора одежды, чтения, языка общения и литературы, этикета и т.д. Культурные ценности, усвоенные в семье, влияли на последующую карьеру дворянина. В диссертации обращено внимание на подготовку молодых дворян к службе. Объектом изучения стали семейные установки на карьеру для детей, пути получения образования дворянами: типы учебных заведений, сдача экзаменов экстерном. Этот вопрос является важным, поскольку позволяет создать логическую цепочку от семьи, через учебные заведения к службе. Многие учебные заведения России начала XIX в. были сориентированы на приобщение учеников к западноевропейской цивилизации.

Выбор вида службы для сына определялся семейными традициями, нравственными и культурными ориентациями родителей, успешностью карьеры отца. Но независимо от уровня семьи к началу XIX века в России сложилось представление о минимальном наборе качеств необходимых недорослю для начала карьеры. В этот обязательный набор входила элементарная грамотность (умение писать, читать и считать), знание Закона Божьего, а далее следовали - обязательное владение французским

языком, умение держать себя в обществе, со вкусом и согласно моде одеваться, поддерживать светскую беседу. Обычно этот уровень подготовки к будущей службе обеспечивался домашним гувернером или содержателем пансиона, в редких случаях - в народных школах.

Изучение данного сюжета позволило выдвинуть тезис о повышении значимости образования для дворянской службы, о росте престижности светских учебных заведений, о правительственной ориентации на приоритет российских дипломов перед европейскими. Вместе с тем, анализ дневников и мемуаров русских студентов в европейских университетах, а также их записок, относящихся к периоду службы, заставляет усомниться в оправданности опасений правительства Александра I и российских ксенофобов относительно космополитического воспитания таких выпускников. Оторванные от родины, в условиях инокультуры, российские студенты проявляли больше патриотических чувств, раньше и сильнее ощущали себя *русскими* дворянами, чем их сверстники в России.

Для понимания проблемы рецепции французской культуры русским офицером были привлечены записки военных. Их особенностью является подробное описание военных действий. Как правило, в мемуарах военные весьма скупно выражали свои эмоции, избегали оценочных суждений. Из такого текста достаточно трудно вычленить "субъективность". Тем не менее, через рассказы о войне, о пережитых трудностях, по стилю повествования можно составить собирательный образ - социальный и психологический портрет русского дворянина-офицера. Он складывается из индивидуальных портретов. Для этого выяснялось, в каких частях служил мемуарист, как часто по долгу службы бывал при дворе, вел ли светский образ жизни, владел ли французским языком, какое получил образование и т.д. Когда речь в мемуарах заходила о пребывании автора

во Франции, о его впечатлениях от ежедневного общения с французами, от знакомства с французской культурой, собранное досье помогало понять особенности, причины той или иной реакции.

Заграничные походы высветили глубинные жизненные ценности русских офицеров. Вообще “парижский период” в воспоминаниях офицеров часто является именно тем эпизодом, когда они пытались осмыслить свое отношение к Франции - не только политическое, но и мировоззренческое. Для многих русских офицеров этот поход стал разрушением мечты. Образ Франции, накладываясь на наблюдаемую реальность, распадался, порождая разочарования. И чем сильнее, ярче был “замок на песке”, тем менее нравилось офицеру то, что он чувствовал и видел вокруг. Культура Франции “нового порядка” пришлась по душе молодому поколению русских офицеров, открытых к восприятию перемен, не застывших в своих ожиданиях. Политическая и интеллектуальная активность французов заражала. На этом фоне упорядоченность российской жизни казалась застойной и скучной. Франция приобрела в их глазах образ противопоставления России. В последующем, это, а также обвинения императора Александра I в неблагодарности по отношению к своей армии, прозвучат на следственных допросах по делу декабристов в качестве обоснования права на оппозицию.

Конечно, к декабристам не сводимо все русское офицерство. Среди участников войн и заграничных походов были и те, кто стал декабристами, и те, кто вершил над ними суд. В диссертации сделана попытка проанализировать рецепцию французской культуры как оппозиционно настроенного офицерства, так и верноподданных русской армии.

Для того чтобы понять, как воспринималась французская культура русским чиновником, в диссертации обрисовывается менталитет,

культурно-психологические особенности чиновной России, воссоздается атмосфера, царящая на статской службе.

В первой четверти XIX века сформировались как минимум два политических дискурса, в которых французская тема получила различную интерпретацию. Первый – “космополитический дискурс”. В его основе лежит европоцентризм, признание универсализма европейской культуры (как политической, так и духовной). Соответственно, французская культура в рамках данного дискурса воспринимается и интерпретируется как качественно более высокий уровень общеевропейской культуры. Жанровым воплощением “космополитического дискурса” стали франкоязычные тексты политической, законодательной, дипломатической семантики. Его протогонами были ведущие политики первых лет правления Александра I – “молодые друзья”, М.М. Сперанский.

Другой дискурс – “национальный”. Он опирался на формирующийся в русском дворянстве шовинизм. Французская культура в текстах данного дискурса интерпретировалась как антитеза, угроза национальной культуре (таковы манифесты А.С.Шишкова, повести Ф.В.Ростопчина). Потребность в нем испытывали политики, отстраненные командой космополитичных друзей императора от управления страной. Национальная идея стала оправданием прессинга на правительство, права фронды на оппозицию.

Политическая ситуация в правящих кругах России времени правления Александра I оказалась чрезвычайно изменчивой и описанные дискурсы сменяли друг друга, а с ними менялась правительственная команда. В отличие от офицерства, сохранявшего известную мировоззренческую автономию, особенность чиновного менталитета такова, что господствующие в коридорах власти идеологические установки должны разделять чиновники всех уровней. Во всяком случае, внешне. Личная убежденность и служебная этика порождали явление

“расколотого сознания” (для службы и для дома), противоречивость в заявлениях.

Источники дают нам свидетельства многочисленные и неоднозначные. Одно и то же лицо меняло свое отношение к французской культуре не только в течение жизни, но порой могло дать однозначный ответ только для сиюминутной ситуации и для данного лица. Расхождение между усвоенными с детства культурными ценностями, в которые французская культура входила органической составной частью, и интересами политики порождало у лидеров национально-патриотической оппозиции кризис самоидентичности.

Проявлением восприятия французской культуры русским дворянством является применение французского языка в делопроизводстве, дипломатии, а так же влияние таких субъективных факторов как французские манеры, костюм (то, что называлось “лоском”) на судьбу дворян, занимающихся государственной деятельностью. В диссертации показано насколько знание французского языка, усвоенная культура способствовали продвижению по служебной лестнице, в каких видах службы они выступали как необходимое требование.

Из этих штрихов отношения русского служилого дворянства к французской культуре составляется определенный образ дворянина на службе, представление о его менталитете.

В заключении подведены основные итоги исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета. Ее основные положения были заслушаны на итоговых научных конференциях Казанского университета (1998, 1999, 2000), на конференции “Гражданское общество в России XIX–XX веков: противоречия становления”(Петербург, октябрь 1999г.), на

всероссийской научной конференции “Этнос.Ландшафт.Культура”
(Петербург, декабрь 1999 г.)

Содержание диссертации отражено в публикациях:

1. Вишленкова Т.А. (Шанская Т.А.) Геополитические факторы и восприятие французской культуры в России (первая четверть XIX века) // Этнос. Ландшафт. Культура: Материалы конференции. Посвящается Л.Н.Гумилеву. Европейский Дом. Тез. докладов.- СПб., 1999.-С.155-159.
2. Вишленкова Т.А. (Шанская Т.А.) Культурно-языковая ориентация русского дворянства в XVIII-XIX вв. // Мост-Бридж.- Наб. Челны, 1999.- С.33-36.
3. Вишленкова Т.А. (Шанская Т.А.), Вишленкова Е.А. Э.Турнерелли и его книга “Казань и ее жители” (перевод с французского) // Эхо веков.- Казань, 1999.- № 3-4.-С.229-238.
4. Вишленкова Т.А. (Шанская Т.А.) Проблемы двуязычия российского дворянства в контексте русско-французского конфликта 1805-1814 гг. // Материалы международной конференции “Политические институты и социальные страты России (XVI-XVIII вв.)” Москва: изд-во РГГУ, 1998.- С.29-32.
5. Вишленкова Т.А. (Шанская Т.А.) Французские военнопленные 1812 года в Казанской губернии. // Россия и Франция XVIII-XX века.- М.: Наука, 2000.-С.119-132.
6. Вишленкова Т.А. (Шанская Т.А.) Французский язык в учебных заведениях Казани в первой четверти XIX века. // Молодые историки о казанской старине.- Казань, 2001.-С.84-105.

Издательская лицензия № 0234 от 20.05.1998г.

Подписано в печать 20.11.2000.

Формат 60х84/16. Тираж 80 экз.

Бумага офсетная. Объем 1,75.

Заказ № 03/12. Печать ризографическая.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве “ФОРТ-ДИАЛОГ”
Казань, Толстого, 6. Тел. 38-83-71

22